

Пропорциональность и современный мир

(фрагменты из работ разных лет)

Иван Иллич

1968-1998

Оглавление

Эпоха недееспособности под властью экспертов	4
Политическая критика технологий: самоограничение и пропорциональность	7
Орудия и целесообразность	9
Творческая безработица и границы рынка	11
Школа как «святая корова»	14
«Немезида медицины». О границах здравоохранения	16
«Немезида медицины»: новое послесловие к изданию 1995 г.	19
Зеркало для американцев: помощь и насилие (1968 г.)	21
Пол, род и язык	23
Текст как инструмент познания	25
Экономика, этика и соразмерность (proportionality)	29
Гостеприимство и научная мысль	32

Я рано пришел к заключению, что главным условием атмосферы, благоприятствующей независимости мысли, является гостеприимство, проявляемое хозяином: гостеприимство, скрупулезно исключающее как высокомерие, так и подобострастность; гостеприимство, своей простотой побеждающее и страх плагиата, и боязнь впасть в зависимость; гостеприимство, своей открытостью равно исключающее и запуганность, и чинопочитание; гостеприимство, побуждающее гостей проявлять не меньше великодушия, чем требуется от хозяина. Мне всего этого было отпущено немало, вместе со своеобразным ароматом свободного, порой забавного, а порой гротескного сочетания самых обыкновенных, а иногда и диковинных собеседников, терпеливых друг с другом.

Иван Ильич

Эпоха недееспособности под властью экспертов

Один из способов определить конец эпохи состоит в том, чтобы дать ей подходящее название. Я предлагаю назвать это время эпохой недееспособности под властью экспертов.

Об эпохе экспертов будут вспоминать как о времени, когда политика пришла в упадок, потому что ведомые интеллектуалами избиратели передали технократам всю полноту власти регулировать законодательно потребности, признали за ними авторитетное право решать, кому что нужно, и обеспечили им монополию на средства, с помощью которых они предполагали удовлетворять эти потребности. Будут вспоминать об этом времени как об эпохе школы, когда треть жизни людей тренировали аккумулировать потребности согласно предписаниям, в то время как оставшиеся две трети они проводили как клиенты респектабельных продавцов лекарств, управляющих их зависимостями. Будут вспоминать как о времени, когда поездки в отпуск были организованным ограблением чужаков, интимность - тренингом по Мастерсу и Джонсону¹; мнения формировались на основе вчерашнего телевизионного ток-шоу, а политический выбор был чем-то вроде заказа по почте некоторого количества из одного и того же.

Было бы самонадеянностью пытаться предсказать, будут ли вспоминать об этом времени, когда потребности формировались по планам экспертов с улыбкой или проклятием. Что касается меня, то я, конечно, надеюсь, что вспоминать об этом будут как о той ночи, когда отец семьи пропил ее состояние и, таким образом, вынудил детей начать все заново. Вероятнее всего, к сожалению, что о нем будут вспоминать как о времени, когда наша грабительская охота за богатством сделала продажными наши свободы, а политика выражается только как корыстное брюзжание потребителей благосостояния, растворившись в тоталитарном господстве экспертов.

Непреодолимая страсть богатых к искусственно созданным потребностям и парализующая зачарованность бедных недоступными средствами достижения этих потребностей были бы необратимы, если бы люди действительно приспособились жить по смете запланированных потребностей. Но этого не происходит. По ту сторону определенного порога интенсивности медицина производит беспомощность и болезни; воспитание становится причиной неэффективности в распределении труда; быстрые транспортные системы способствуют тому, что городские жители примерно шестую часть своего бодрствования проводят в качестве пассажиров и еще такую же часть своего времени отдают рабскому труду на службе Форда, Эссо, автомобильных налоговых и страховых компаний. Рубеж, на котором медицина, воспитание или транспорт превращаются в контрпродуктивные инструменты, достигнут во всех странах мира, где доход на душу населения не меньше, чем, например, на Кубе. В противоположность иллюзиям, пропагандируемым ортодоксами на Востоке и Западе, во всех странах, которые я исследовал, эта контрпродуктивность ни в коей мере не была связана с принятым в данной стране типом школ, транспортных средств или организаций здравоохранения. Значительно более она определяется и увеличивается по мере того, как капитальная интенсивность производства преодолевает критический рубеж.

¹ Известные американские сексологи.

Наши крупные институты обладают пугающим свойством превращать в свою противоположность именно те цели, для которых они изначально планировались и финансировались. Под руководством высокоуважаемых экспертов наши институциональные инструменты производят парадоксальную контрпродуктивность, а именно систематически делают граждан недееспособными. В городе, построенном для автомобилей, не остается места для использования собственных ног.

Но почему же не видно сопротивления превращению индустриального общества в единую огромную парализующую систему оказания услуг? Объяснение этому надо искать главным образом в способности этой системы создавать иллюзии.

(Entmündigung durch Experten. Zur Kritik der Dienstleistungsberufe. Reinbeck b. Hamburg: Rowohlt 1983.)

**Политическая критика
технологий: самоограничение и
пропорциональность**

Когда чрезмерное доверие к индустриальному производству товаров и услуг определяет социальное устройство, а промышленность завоевывает виртуальную монополию на применение новых достижений, порабощение человека машиной не устраняется, но спрессовывается в новую всемирно гомогенную форму. Инструмент превращается из слуги в деспота. Сооруженная однажды, эта монополия превращает общественные отношения в школу, в больницу, в тюрьму и в скоростную автомагистраль. Тогда начинается великое заключение. Все зависит от того, чтобы точно определить, где для каждого элемента глобального равновесия находится этот критический порог. Только тогда станет возможно заново выразить эту древнюю триаду: человек, инструмент, общество.

Общество, где современные инструменты стоят на службе у интегрированной в местное сообщество (*community*) личности, а не у конгломерата специалистов, мы можем назвать *convivial society* сообществом.

Когда человек получает удовольствие от такого использования инструмента, я называю его знающим чувство меры. Он понимает то, что по-испански называется *la convivencia*² т.е. принимать участие в своем ближнем. Ведь разумная сдержанность не имеет ничего общего с изоляцией, замкнутостью на себе самом или тем более отсутствием фантазии. Для Аристотеля, как и для Фомы Аквинского, она лежит в основе дружбы. Там, где он говорит об упорядоченной и творческой игре, Фома определяет здравомыслие как добродетель, исключаящую не всякое наслаждение, а только то, которое вытесняет или ухудшает личное отношение. Здравомыслие является элементом добродетели, выходящей за его пределы и его включающей: *это радость (jucunditas), эмпатия, дружба*.

Типичный американец посвящает своей машине 1500 часов в год: он сидит в ней, когда она едет или стоит на стоянке, он работает, чтобы ее оплатить, а также оплачивать бензин, шины, дорожные сборы, страховку, штрафы и налоги. И так, он посвящает своей машине 4 часа в день, неважно, пользуется он ею или нет. Этим не исчерпываются все его действия, ориентированные на движение: есть также время, которое он проводит в больнице, суде или гараже, время, потраченное на просмотр автомобильной рекламы по телевизору, а также на то, чтобы заработать на отпускные путешествия и т. д. Как результат этого американцу нужно 1500 часов, чтобы проехать дистанцию в 10 000 км; значит, на 6 км он тратит 1 час жизни.

Машинному человеку незнакома легкодостижимая радость, заключенная в добровольном отказе от чего-то; он не знает трезвого опьянения жизнью. Общество, где каждый знал бы, что такое «достаточно», было бы, наверное, более бедным, но богатым неожиданностями и было бы свободным. Я определяю здесь его рамки, но не содержание.

(München: Beck 1998. (Beck'sche Reihe 1167). Reinbeck b. Hamburg: Rowohlt 1980.)

² Совместная жизнь, сосуществование (*исп.*).

Орудия и целесообразность

...Контроль над силами природы функционален, только если использование природы не делает ее бесполезной для человека. Я уже говорил ранее, что социальные институты функциональны, когда они поддерживают тонкое равновесие между тем, что люди могут делать для себя сами, и тем, что могут делать для них орудия, находящиеся на службе у анонимных институтов. Формальное обучение также зависит от баланса: технология и организованное обучение не должны перевешивать возможностей самоучения. Увеличение социальной мобильности может сделать общество более человечным, но только если в то же самое время сократится разрыв во властных возможностях, отделяющий сегодня немногих от большинства. Наконец, рост темпов обновления ценен только тогда, когда вместе с ними растет укорененность в традиции, полнота смыслов и безопасность.

Орудие может выйти из-под контроля человека, стать сначала его хозяином, а потом и палачом. Орудия могут поработить людей скорее, чем те ожидают: плуг делает человека не только хозяином цветущих полей, но и беженцем от пыльных бурь. Мечь природы приносит детей, менее пригодных для жизни, чем их отцы, и они приходят в мир, менее пригодный для них. *Homo faber* может превратиться в «ученика чародея». Специализация способна сделать его повседневную жизнь настолько сложной, что она совсем отделится от его действий. Подобное наркомании пристрастие к прогрессу способно поработить всех людей, втянуть их в гонку, в которой никто не достигнет цели.

Есть два пути развития орудий: в одном машины используются для расширения человеческих способностей, в другом - для ограничения, устранения или замены человеческих функций. В первом человек как личность может осуществлять свою власть и волю, а потому и брать на себя ответственность. Во втором верх берут машины: сначала они сокращают диапазон выбора и мотивации как у оператора, так и у клиента, а затем очень скоро навязывают обоим собственную логику и требования. Выживание человека зависит от установления процедуры, которая позволила бы обычным людям распознавать эти области и свободно выбирать способ выживания; оценивать структуры, встроенные в орудия и институты, чтобы исключать те из них, что деструктивны по самой своей структуре, и контролировать те, что полезны.

Исключение вредоносных орудий и контроль над целесообразными - два главных приоритета для современных политиков. Многочисленные ограничения сверхэффективности должны быть выражены на языке, который был бы одновременно простым и политически эффективным. Решение этой неотложной задачи наталкивается, однако, на три серьезнейших препятствия: идеализация науки, извращение обычного языка и утрата уважения к формальному процессу, посредством которого принимаются социальные решения.

(Ivan Illich «Retooling Society», CIDOC, 1972.)

Творческая безработица и границы рынка

Монета вытесняет все локальные ценности и идолов. Деньги обесценивают все, что они не могут количественно оценить.

Люди становятся заложниками похищающего время ускорения, оглуляющего воспитания и травмирующей медицины, потому что зависимость от конституционально гарантированного получения промышленных товаров и экспертных услуг - по достижении некоего определенного порога интенсивности - разрушает человеческие возможности, причем специфическим образом: ибо только до определенного предела товары могут заменять то, что люди делают и производят сами по себе.

Самой значительной привилегией высокого социального статуса сегодня могла бы быть, без сомнения, *свобода полезной безработицы*, все менее доступная огромному большинству населения. Настойчивое стремление человека обладать правом быть обслуженным специалистами и снабженным товарами оборачивается правом промышленников и экспертов ловить себе клиентов, окружать их своими товарами и услугами, окончательно разрушая ту среду, в которой когда-то было возможно существование неоплаченных видов деятельности. Таким образом, парализуется борьба за правильное разделение времени и способности делать что-то с пользой для себя и других вне служебных и оплачиваемых отношений. Работу, выполняемую вне формальных трудовых отношений, начинают презирать или игнорировать. Автономная деятельность угрожает рынку труда, способствует возникновению социальных отклонений и уменьшает совокупный социальный продукт. Слово «работа» становится неподходящим обозначением существа дела. Работа обозначает не большое напряжение или труд, а, скорее, материальную добавку к продуктивным инвестициям в технические сооружения. Работа больше не является созданием некоей ценности, признаваемой работником в качестве таковой, но является «местом работы» (то, что по-английски называется «job»), т. е. особым социальным положением. Безработица несет не свободу делать вещи, полезные для меня или моего соседа. Активная женщина, ведущая хозяйство, воспитывающая детей, иногда еще и не только своих, испытывает дискриминацию по сравнению с женщиной, идущей работать, совершенно независимо от того, насколько полезны или вредны продукты ее работы.

В будущем качество общества и его культуры будет зависеть от статуса его «безработных»: будут ли они продуктивными гражданами своего государства? Ясно, о каком решении или кризисе идет речь. Прогрессирующее индустриальное общество может стать предпринимательским картелем, трудно хромающим вслед за мечтой 1960-х гг. - к «рационализированной» системе распределения между гражданами обесценивающихся товаров и безрадостных рабочих мест, к все большей стандартизации потребления и обесмысливанию труда. Именно такие последствия вырисовываются из политических перспектив большинства современных правительств от Германии до Китая, хотя есть и заметное различие: чем богаче страна, тем актуальнее выглядит задача «рационализировать» рабочие места и предотвратить полезную безработицу, угрожающую рынку труда. Несомненно, возможен и противоположный вариант, а именно современное общество, где обманутые работающие организуются и защищают человеческую привилегию свободно избирать себе полезное занятие вне производства товаров. Но возможность подобной общественной альтернативы опять-таки зависит от способности простого человека отнестись к

претензии экспертов на управление его потребностями по-новому - рационально и скептически.

(Fortschrittsmythen. Reinbeck b. Hamburg: Rowohlt 1983.)

Школа как «святая корова»

Население Пуэрто-Рико имеет школьное образование. Я предпочитаю сказать не «образованно», а «имеет школьное образование». Пуэрториканцы не могут больше представить себе свою жизнь без ее связи со школой. Потребность в образовании сегодня заменяется необходимостью посещать школу. Пуэрто-Рико приняла новую религию. Ее учение утверждает, что образование - это продукт школы, продукт, который можно определить с помощью чисел. Есть цифры, показывающие, сколько лет ученик проводит под руководством учителей, в то время как другие цифры отражают процент верных ответов на экзамене. С получением диплома образовательный продукт приобретает рыночную стоимость. Так, в технократическом обществе посещение школы, как таковое, гарантирует принятие в круг дисциплинированных потребителей, как в прежние времена посещение церкви гарантировало принадлежность к сообществу верующих. От губернатора до *jibaro*³ сегодня Пуэрто-Рико признает идеологию своих учителей, как она когда-то признавала теологию своих пасторов. Школа сегодня приравнивается к образованию, как прежде церковь приравнивалась к религии.

Смысл образования заключается в развитии, формировании независимого познания жизни и тесно связан с тем, что накопленные в совместной жизни людей памяти делаются доступными и полезными. Институт образования является для этого центральным элементом. Он предполагает место человека в обществе, где каждый из нас бывает разбужен к жизни удивлением; место встреч, в котором другие люди удивляют меня своей свободой и позволяют мне осознать мою свободу. Если университет хочет оказаться достойным своей традиции, он должен быть таким институтом, чьи цели понимаются как воспитание свободы и чья автономия основывается на доверии, полагаемом общественностью в использовании этой свободы.

Наша надежда на спасение лежит в способности удивляться иному. Да не разучимся мы вновь и вновь переживать удивление! Я давно уже решил для себя, до последнего часа моей жизни и в самой смерти все еще надеяться на удивления.

(Klarstellungen. Pamphlete und Polemiken. Aus dem Englischen von Helmut Lindemann. Mit einer Einleitung von Erich Fromm. München: Beck 1996. S. 13-25. (Beck'sche Reihe 1151).)

³ Крестьянин (ам. исп.).

**«Немезида медицины». О
границах здравоохранения**

Французская революция породила два глубоких заблуждения: врачи могут заменить духовенство, и общество путем политических преобразований может вернуться в состояние исходного здоровья. Болезнь стала публичным делом. Во имя прогресса она не имела больше права оставаться делом самого больного.

В 1792 г. Национальное собрание в Париже несколько месяцев обсуждало вопрос о том, как заменить врачей, извлекающих прибыль из ухода за больным, терапевтической бюрократией, которая занялась бы этим злом более эффективно - вплоть до его полного исчезновения после установления свободы, равенства и братства. Новых пасторов предполагалось финансировать из секуляризованных церковных владений.

В то время заканчивается эпоха домашнего лечения. Повсюду в обществе границы размываются. Общество в целом превратилось в клинику, а граждане - в пациентов, чье кровяное давление регулярно контролируется и регулируется, чтобы оно было в нормальных «пределах». Трудности с рабочей силой, финансами, организацией и контролем терапевтических учреждений, которые возникают повсеместно, можно трактовать как симптом нового кризиса в понятии болезни. Речь идет о настоящем кризисе, допускающем два противоположных решения, которые сделали бы сегодняшнюю больницу неупотребительной. Первое решение состоит в дальнейшей и способствующей увеличению болезненности медикализацией здравоохранения, которая продолжит закрепление власти цеха врачей над населением. Второе заключается в критической, научно обоснованной демедикализации понятия болезни.

Книга «Немезида медицины» начиналась с обвинения: «Официально принятая медицина превратилась в серьезную опасность для здоровья». Теперь с трудом верится, что в 1974 г. эта фраза могла шокировать и сердить. Сегодня это банальность. То, что тогда было авангардом, президент Клинтон принес в Белый дом. Американский конгресс взялся судить, представляют ли ценность фундаментальные исследования, и 2300 физиков именно так потеряли работу. Конгресс уволил их, потому что удовлетворение любопытства ученых по поводу ускорения частиц не могло называть какую-нибудь общественную пользу. Хиллари Клинтон близка к тому, чтобы попробовать в секторе здравоохранения то, что я предлагал политикам в «Немезиде медицины», а именно «восстановить контроль над медицинскими открытиями, теориями, процессами принятия решений». А если так, то почему мне так тяжело перечитывать мою книгу?

Я сожалею, что важная и ключевая мысль об искусстве болезни и умирания была мной сформулирована в категориях, годящихся для редуccionистской потери понимания телесности. В «Немезиде медицины» я аргументировал, что роль в возбуждении болезни играет стремление к здоровью, как оно определяется в культуре позднеиндустриального общества. Я тогда не понимал, что еще болезненное стремление к здоровью в эпоху системного менеджмента разовьется в своего рода многослойную эпидемию. Я говорил о здоровье, не задумываясь о категориях личной автономии, и обозначал ее как «уровень способности справиться». Я понимал здоровье как «ответственное действие в соответствии с социальным сценарием», где режиссером выступает некий «культурный код, соответствующий генетическому составу, истории и окружению группы». Я хотел объяснить поколению, которое увлеклось стремлением к здоровью, что человеческое *conditio* выражало в том числе и то,

что человечество на протяжении всей истории «страдало». Тогда я еще находился под влиянием Грегори Бейтсона и верил, что такие понятия, как обратная связь, программа, анализ или информация, будучи разумно примененными, могут внести ясность в эти вещи.

Сегодня я знаю, что не следовало так просто говорить об искусстве страдания, потому что этим я дал возможность компьютерному поколению детей думать о «саморегулировании». Я не предусмотрел появление статей в три метра длиной в журнальных магазинах, где будут продаваться физическая культура, эмоциональное равновесие, развитие восприятия и сознание просто как результат «саморегулирования».

(Reinbeck b. Hamburg: Rowohlt 1981.)

**«Немезида медицины»: новое
послесловие к изданию 1995 г.**

«Немезида медицины» представляет собой одно из четырех моих эссе, посвященных исследованию того, как современная технология производит самоочевидность определенных видений. Каждый из текстов имеет в качестве демонстрационного объекта одно из больших предприятий новейшего времени, таких, как школа, транспорт и планирование. Я избрал примером медицину в состоянии, характерном для 1970 г., чтобы поговорить о парадоксальном противоречии целей и средств. Я не хотел представить медицину в виде «мальчика для битья», я также не покушался на план медицинской реформы. Здравоохранение дало мне возможность показать три различные в основе формы контрпродуктивности: техническую, социальную и культурную. Я хотел исследовать в этой книге то, что объединяет медицину с другими институциональными предприятиями: попытку устранить искусство жизни и страдания, заменив их технологией производства удовлетворения. Я писал против перехода, оркестрованного медициной, стремления к здоровью в парадигму некоей мегатехнологии, позволяющей обойтись без *Conditio humana*.

Четверть века спустя я все еще остаюсь доволен сущностью и стилем книги. Она положила начало технической дискуссии о контрпродуктивности, а также об историчности наших потребностей. Но была у нее и другая заслуга: эта книга помогла вернуть дискуссию медицины в плоскость философии. Я оказался прав, сконцентрировавшись на традициях медицинского подхода к искусству страдания как профилактики против тогда еще не вполне распознанной эпидемии системно имманентной биоэтики.

Но я нахожу также ошибочное при повторном чтении книги. Тогда я понимал «здоровье» кибернетически - как «меру, в какой люди справляются со своими внутренними состояниями и внешними условиями». Когда я писал это, я еще не осознавал, какое обесмысливающее действие в скором времени окажет системно-аналитическое мышление на понимание ощущений и представлений. Я не понимал также, что мои формулировки будут способствовать неправильному пониманию здоровья как саморегулирующего процесса управления. Мне еще предстояли десять лет исследований и ряд семинаров совместно с Барбарой Дуден, посвященных истории восприятия смысла, проблемам пола и дружбе. По этой причине я обеспокоен тем, что большая часть заказов на «Немезиду медицины» - на многих языках - является в настоящее время коллективными заказами для медицинских факультетов. Книгу читают как пример того, что чувственно познаваемое тело можно «снять со счета», понимая себя как саморегулирующуюся и самоконструирующуюся систему, и *вопреки* этому лишению телесности утверждать, что находишься в рамках традиции, которая принимает важность искусства страдания и искусства умирания.

(Reinbeck b. Hamburg: Rowohlt 1981.)

**Зеркало для американцев:
помощь и насилие (1968 г.)**

Внутреннее побуждение совершать добро - это особая американская черта характера. Только североамериканцы уверены, что они в любой момент времени должны, имеют право и могут отыскать кого-либо, на кого могло бы снизойти их благодеяние. Эта установка приводит в конечном итоге к тому, что людей принуждают принять дары с помощью бомбардировки.

В начале 1968 г. я настойчиво пытался разъяснить некоторым моим друзьям в США этот образ американцев за границей. Я говорил в основном с оппонентами правительству, которые были заняты подготовкой марша на Пентагон. Я хотел, чтобы они разделили со мной тяжелую заботу: обеспокоенность, что окончание войны во Вьетнаме позволит «ястребам» и «голубям» объединиться для новой воинственной борьбы - на этот раз «против бедности в «третьем мире».

Сразу же вслед за деньгами и оружием на любом театре военных действий появляется американский идеалист: учитель, доброволец, миссионер, общественный управляющий, экономический помощник. Эти люди понимают свою роль как служение. В действительности же они часто в итоге бывают заняты только тем, чтобы смягчить ущерб, нанесенный деньгами и оружием, или соблазнить «недоразвитых» прелестями мира благосостояния и успеха. Они - это те, для кого «неблагодарность» является горькой наградой. Они воплощают вопрос старого, доброго Чарли Брауна: «Как можно проиграть, если ты так честен?»

Путь к бедности вымощен «технической помощью». В результате двадцати лет международной помощи в развитии сегодня в мире больше чем когда-либо людей, чьи жизненные ожидания никогда не смогут быть осуществлены.

Неосознанное стремление - нереальные «потребности» превращаются в осознанные требования. Наши программы помощи принесли большинству людей «запланированную бедность».

(Klarstellungen. Pamphlete und Polemiken. Aus dem Englischen von Helmut Lindemann. Mit einer Einleitung von Erich Fromm. München: Beck 1996. S. 13-25. (Beck'sche Reihe 1151).)

Пол, род и язык

Я обнаружил, что ключевые слова характеризуются стремлением радикально исключать род. Поэтому понимание рода и его отличие от пола зависят от этой тенденции к исключению или чрезвычайно экономному использованию слов, могущих быть ключевыми.

Я попал в двойное гетто языка, когда начал писать это эссе. Я не мог найти слова, традиционно звучащие как «род», но также не хотел употребить их с расхожим сексистским призывом. Я осознал эту сложность, когда захотел использовать более ранние версии данного текста в лекциях 1980-1982 гг. Никогда еще прежде столько друзей и коллег не пытались отговорить меня от темы, которой я начинал заниматься. Некоторые считали, что мне стоит уделять меньше внимания тривиальным, двусмысленным или предосудительным темам, другие настаивали на том, что в ситуации современного кризиса феминизма мужчинам не подобает говорить о женщинах. Чем внимательнее я вслушивался, тем более мне казалось, что большинство моих собеседников чувствуют себя неуютно в этой теме. Мои аргументы разрушали их мечты: феминистскую мечту о полово-нейтральной экономике без принуждения к половым ролям, «левую» мечту о политической экономике, состоящей из универсальных и равных человеческих субъектов, футуристическую мечту о современном обществе пластичных людей, где совершенно все равно, кем человек решает быть - зубным врачом, мужчиной, протестантом или генным манипулятором. Мой вывод о том, что дискриминация женщины характеризует любую экономику, заставлял их мечты лопаться, потому что выраженные в них желания были сотканы из одной материи - полово-нейтральной экономики.

Индустриальное общество не может существовать без определенных постулатов унисекса. Мужчины и женщины созданы для одинаковой работы, они воспринимают одинаковую действительность, у них с небольшими косметическими отклонениями одинаковые потребности. Фундаментальная предпосылка всех национальных экономик, а именно ограниченность товаров, базируется на тех же постулатах унисекса. Конкуренция между мужчиной и женщиной за рабочие места была бы невозможна, если бы работа не определялась как деятельность, свойственная человеку без различия пола. Субъект, на котором основана экономическая теория, в этом значении - бесполое человеческое существо. До тех пор пока признается теория ограниченности товаров, распространяются также постулаты унисекса.

Под социальным родом я понимаю связанную с местом и временем двойственность, отличающую мужчину и женщину в отношениях друг от друга, не позволяющую им говорить, делать, восхищаться или воспринимать одинаково. Под экономическим или социальным понятием пола я, напротив, понимаю двойственность, питающую претензию на возможность достижения иллюзорной цели экономического, политического или социального равенства мужчины и женщины. В сконструированной таким образом действительности равенство является чаще всего фантастическим образованием.

(Aus dem Englischen von Ruth Kriss-Rettenbeck und Barbara Duden. München: Beck 1995. (Beck'sche Reihe 1105).)

Текст как инструмент познания

Когда среди ученых и святых церкви Бернар ссылается на источник, он, как правило, приводит его по памяти. Поколение Альберта и Фомы уже может пользоваться справочными материалами, а после их смерти их собственные произведения лежат в библиотеке и привязаны к кафедре как справочный материал. Это позволяет автору XIII в. подтверждать свои тезисы ссылками на оригиналы. Он может полистать и открыть любое место. Он овладевает лежащей перед ним памятью.

Авторы раннего Средневековья переняли у римлян мнемотехнику, искусство представлять себе свою память как постройку. В разные комнаты этой постройки говорящий мысленно помещал символы, обозначающие написанные или выученные им параграфы. В потоке речи оратор мог зайти в эти покои и вызвать любой текст из памяти. Об этой мнемотехнической постройке еще напоминает своей архитектурностью книжная живопись раннего Средневековья. В XIII в. принцип запоминания воплотился в структуре библиотеки. В скором времени это были уже не только произведения данного монастыря, стоящие в алфавитном порядке. Первые сборные каталоги возникают после основания университета. Еще позже, чем библиотечные полки, возникла структурная организация самой рукописи. Деление строк на слова стало само собой разумеющимся. Ветхий Завет был поделен на главы и стихи. Но прошло тысячелетие, прежде чем Священное Писание стали цитировать в соответствии с этим кодом. Августин, стремясь помочь читателю ориентироваться в его объемном «Граде Божиим», дал им бревикулус - краткое изложение отдельных частей книги. В новые копии классиков некоторые переписчики позднего Средневековья вводили названия глав. Чтобы облегчить отцам церкви доступ к текстам евангелистов во время проповеди, еще Евсевий составил конкорданцию из Евангелия.

Искусство отнесения к Священному Писанию и его комментаторам с самого начала отличало христианских авторов от языческих. Но техника цитирования и сверки по тексту развилась только во время перехода к схоластике. Уже в VI в. Кассиодор экспериментировал с ключевыми словами. Он выписывал ключевые слова по ходу текста на полях. Исидор первым применил также названия глав в своем произведении. Но только в середине Средневековья утвердилось единое деление Библии на главы, за несколько столетий до деления ее на стихи. В XIII в. уже существуют предметные регистры со ссылками на все Священное Писание. До указания на число страниц, конечно, было еще далеко. Для этого нужно было дожидаться, когда печатный лист графически зафиксировал текст и независимые от содержания номера страниц стали ориентиром.

Письменные тексты зримо состоят теперь в пространственных отношениях друг к другу. Внутри текста определенные элементы выделены, цитируемые места подчеркнуты цветом. Глаз привыкает двигаться от книги к книге и от текста к примечанию. Не строка, а весь текст лежит теперь перед читателем.

Медитация, о которой пишет Гуго, - это интенсивное деятельное чтение, а не пассивное квиетическое погружение в чувства. И эта деятельность представлена по аналогии с движениями тела: как шагание от строчки к строчке или как взмах крыльев, когда пролистываешь уже знакомую страницу. Гуго видит чтение как моторную активность тела.

В соответствии с традицией, насчитывающей полтора тысячелетия, шевелящиеся губы и язык вторят страницам, как эхо. Уши читателя внимательны и стараются изо

всех сил ухватить то, что выражает его рот. Так последовательность букв преобразуется непосредственно в движениях тела и структурирует нервные импульсы. Строчки как фонограмма, записанная ртом и воспроизводимая читателем для собственного уха. Страница во время чтения буквально поглощается читающим.

Современный читатель воспринимает страницу как пластинку, снабжающую его разом знаками. Он ощущает свое сознание как экран, на который проецируется страница и откуда ее можно удалить нажатием кнопки. Для читателя-монаха, к которому в основном обращается Гуго, чтение есть не такая фантазмагоричная, а, скорее, телесная деятельность. Он говорит или записывает строчки, качаясь в такт им.

Клирик воплощает наглядный пример того, к чему призваны все, поскольку они живут в одном мире, в котором, как говорит Гуго, нет ничего не имеющего значения. «Природа говорит во всех своих созданиях о Боге. Во всех своих проявлениях природа учит человека. Во всех своих проявлениях природа производит разум, и в совокупности вещей нет ничего неплодотворного». Книга творения охватывает мир по обе стороны монастырской стены. И светские искусства, и Священное Писание повествуют о Божьем произведении. При переходе от монастырской книги к схоластической с читателем также происходят радикальные изменения.

Монастырский читатель - «бормотун» - отрывает слова от строк и создает звуковой форум. Все те, кто разделяет вместе с читателем звуковую среду, равны перед произнесенным. Не имеет значения, кто читает, как не имеет значения, кто звонит в колокол.

«*Lectio divina*»⁴ всегда литургический акт, перед лицом кого-либо, Бога, ангелов или кого-либо на расстоянии слышимости.

Примечательным образом спустя пятьдесят лет после Гуго ситуация уже изменилась. Технический акт расшифровывания уже не создает аудиторию, а следовательно, и социальное пространство. Теперь читатель пролистывает книгу. Его глаза отражают два измерения страницы. Скоро он будет воспринимать свой разум по аналогии с манускриптом. Чтение станет индивидуалистической деятельностью, отношением между самим собой и страницей.

Гуго написал свои «*De institutione*» и «*Дидаскаликон*» в то время, когда этот переход намечался, но еще не начался. Его размышления об акте чтения и его значении венчают традицию, выросшую из столетий. И все-таки Гуго серьезно способствовал тому, чтобы вызвать интеллектуальное землетрясение. Гуго «открывает» универсальную обязанность посвящать себя учению. Тем самым он подводит итог средневековой практики, в которой *lectio divina* есть задача не только клира.

Чену употребляет слово «землетрясение». Мне представляется здесь «книготрясение», грохот которого уловил Гуго. Он предполагает назидательное обучение как новый идеал, как гражданский долг в противоположность универсальной учености как праздному обращению с книгой.

Разумеется, это еще не те условия, при которых всеобщая обязанность уметь читать и писать стала основополагающим идеалом современного общества. Со временем чтение стало необходимым для апологетического священнописания, для полити-

⁴ Чтение Священного Писания и молитвенное размышление (лат.).

ческого памфлетирования, а позже для технологической компетентности. Когда впоследствии, значительно позже, был сформулирован идеал всеобщей грамотности, навык чтения был признан необходимым «для всех»; он был необходим для включения в письменную культуру, являвшую собой противоположность монастырскому образу жизни. От нового определения читателя, начавшего формироваться уже во времена Гуго, оставался один шаг до представления о способности читать как предпосылке гражданского статуса, как это принято в нашем столетии.

Когда переворачивается страница в истории алфавита, невольно начинаешь рассматривать как клирика того, кто способен разобраться в новой форме книжной страницы и умеет пользоваться новым индексом, предоставляющим доступ к ней. Изученное им искусство письма делает его «церковником», будь он священник в услужении епископа, княжеский юрист, писарь в ратуше, бенедиктинец, нищенствующий монах или университетский учитель. Старое социальное деление разграничивало клир - священников епископа, занятых в попечении души и в литургии, и «народ» (включая его специализированных созерцательных читателей текстов - монахов). Новый позднесредневековый тип общественного дуализма различает грамотных и тех, кто ими не является. Новая техника чтения и письма, завоевывающая место в XII в., немедленно монополизирована писцами. Они называют себя знатоками письменности в отличие от простых любителей, слушателей написанных слов.

Новые схоластические писцы скрывают этот разрыв. Они ссылаются на свою связь со священниками прежних времен и перенимают их церковный статус вместе с привычными привилегиями. Так, например, мошенник или бродяга, схваченный в XIII в. за тяжкое преступление, мог сослаться на иммунитет клира для защиты от жестокого наказания, если мог доказать, что он в состоянии расшифровать и написать несколько предложений. Такой человек подлежал церковному суду и мог избежать пыток или, по крайней мере, позорной казни через колесование.

(Luchterhand Essay 1991.)

**Экономика, этика и
соразмерность (proportionality)**

В этом году ежегодные шумахеровские лекции были организованы в честь Леопольда Кора. Еще и сегодня его поняли лишь немногие; все еще нет теоретической школы, которая продолжила бы его социальную морфологию. Поставить его имя среди других лидеров альтернативной экономики значило бы предать его посмертно. Всю свою жизнь Кор трудился, закладывая основы для академической дисциплины экономики (economics); его не интересовал поиск новых способов планирования и распределения недостающих товаров. Он определял условия, при которых добро не воплощается и вязнет в вещах, которых всегда не хватает. А значит, он трудился ради ниспровержения конвенциональной экономической мудрости, сколь бы продвинутой она ни была. <...>

Экономика исходит из дефицита. А потому имеет дело с ценами и расчетами. Она не может рассматривать товар, который подошел бы данному человеку в его конкретных условиях. Где правит дефицит, там этика урезается до чисел и полезности. И человек, занятый манипулированием математическими формулами, постепенно утрачивает слух к этическим оттенкам, становится нравственно глухим.

Этика, в мощной традиции от Аристотеля до МанDEVИЛЛЯ, предполагала наличие в обществе разногласий о пользе, к которой надо стремиться, оставаясь человеком, и пусть неохотно, но ее принимать. Экономика же требует оценки желательных целей на основе допущения о дефиците. Она имеет дело с оптимизацией ценностей; это ведет к созданию современного *экономического* общества, которое якобы обеспечивает неограниченные ресурсы для технологической цивилизации. Такая цивилизация пытается трансформировать человеческое состояние, а не обсуждать природу пользы. <...>

У греков было представление о «тоносе», который можно понимать как «справедливую меру», «разумность» или «соразмерность». Чтобы понять, как сложились эти смысловые категории, надо посмотреть на историю этого слова. Здесь я хотел бы - особенно в свете новых предложений по налогообложению энергоресурсов в США - взглянуть на «тонос» как на основу для понимания космических отношений в западной мысли; не менее важно оно и для двухтысячелетней традиции осмысления себя и мира. Можно видеть, что, если общее благосостояние не основано на тоносе - определенном напряжении, соразмерности между людьми и природой, идея налогообложения энергоресурсов вместе с другими экономическими альтернативами соскальзывает в адаптивный утилитаризм, системоориентированное техническое управление или дипломатичную болтовню об охране окружающей среды.

За сотню лет до Французской революции соразмерность как руководящая или ориентирующая идея, как условие нахождения собственной позиции человека была утрачена. И до сих пор эта утрата едва ли признана в истории культуры. Соответствие между верхом и низом, правым и левым, макро и микро было интеллектуально осознано (при поддержке чувственным восприятием) к концу XVII в. Соразмерность служила путеводной звездой и для освоения собственного тела, другого человека и отношений полов. Пространство понималось просто как знакомый космос. Космос означал упорядоченность отношений, в которые изначально поставлены вещи. Для этой соотнесенности, напряженности или склонности вещей друг к другу, их тоноса у нас теперь нет слова. Нельзя даже вообразить опыт Данте, появляющегося из ада и радующегося гармонии четырех новых звезд, переместившихся в царство спра-

ведливости, умеренности, силы духа и благоразумия (Чистилище, Песнь I). Сегодня человек ограничен позитивистскими символами научной парадигмы. <...>

Музыка обучает искусству соразмерности; она умеряет гордость, придает устойчивый смысл умеренности. Возможность опозориться служит гарантом надлежащего сочетания разумности и желания. Музыка была смешением красоты, правды и совершенства, звуком, отражающим космос - не сугубо внутренний и не сугубо внешний, не представляющий чисто эстетический стандарт или абстрактное моральное правило, - и прививавшим слушателю особое поведение и позицию, ухватывавшие природу звуков, свойственных дорическому характеру, приличных диалекту, свойственному именно этому, и только этому, месту в системе отношений.

(*The Wisdom of Leopold Kohr*, Fourteenth Annual Schumacher Lectures, Yale University, 1994.)

Гостеприимство и научная мысль

Просвещенное и располагающее к досугу гостеприимство - единственное противоядие от омертвелой учености, приобретаемой в профессиональном стремлении к объективно надежному знанию. Как и прежде, я уверен, что поиск истины невозможен вне атмосферы взаимного доверия, перерастающего в верную дружбу. Поэтому я и пытаюсь определить атмосферу, благоприятствующую дружбе, и тот «кондиционированный» воздух, который способствует ее росту.

Конечно, я помню сильные ароматы других периодов моей жизни. Я никогда не сомневался, а сегодня еще более уверен в том, что дух «монашеского» служения есть важнейшее условие независимости, необходимой для предъявления исторически обоснованных обвинений обществу. Только бескорыстная преданность друзей может позволить мне предаться аскетизму, требуемому для современных квазипарадосов, таких, как отрицание системного анализа при одновременном печатании на «Тошибе».

Я с самого начала подозревал, что проект (*studium*), которому я решил себя посвятить, требует определенной атмосферы, и это подозрение переросло в уверенность благодаря моим контактам с американскими университетами в эпоху, наступившую после запуска первого спутника. Я проработал всего год в качестве проректора университета Пуэрто-Рико, когда мы с несколькими коллегами захотели выяснить, как развивается идеология, к которой в равной мере примкнули и Кеннеди, и Кастро. Я вложил все средства, которые у меня тогда были, - что сегодня эквивалентно премии, которую вы мне только что вручили, - в покупку однокомнатной деревянной лачуги в горах, с видом на Карибское море. Мне нужно было место, где бы каждое использование личного местоимения «наше» - как мною, так и тремя моими друзьями - поистине относилось бы именно к нам четверым, но было открыто и для наших гостей: я стремился к решительному воздержанию от «мы», обеспечивающему безопасность под сенью академической науки: мы как социологи, экономисты и др. Как выразился один из нас, Чарли Розарио: «Все департаменты пахнут дурно - в лучшем случае дезинфекцией... и яды стерилизуют ауру». Эта лачуга по дороге на Аджунту очень скоро вызвала такое осуждение, что я вынужден был покинуть остров.

Это побудило меня заняться основанием «мозгового центра» в Мехико, который через пять лет превратился в Центр межкультурной документации, или CIDOC. Во вступительном слове на сегодняшнем торжестве Фраймут Дув рассказал вам об этом. В те далекие годы Дув был редактором *Rowohit Publishers*, он занимался публикацией моих книг в Германии и несколько раз приезжал ко мне в Куэрнавака. Он рассказал вам только что о духе этого места, его атмосфере взаимно умеряющей сдержанности. Именно эта аура, это свойство или воздух позволили этому эфемерному предприятию стать мировым перекрестком, местом встречи всех, кто задолго до наступления нынешней моды усомнился в безвредности «прогресса». Только этой атмосферой, о которой говорил Дув, можно объяснить непропорционально большое влияние этого маленького центра в постановке серьезных вопросов относительно преимуществ социально-экономического развития.

...Как ученый я был сформирован монастырской традицией и толкованием средневековых текстов. Я рано пришел к заключению, что главным условием атмосферы, благоприятствующей независимости мысли, является гостеприимство, проявляемое хозяином: гостеприимство, скрупулезно исключающее как высокомерие, так и по-

добострастность; гостеприимство, своей простотой побеждающее и страх плагиата, и боязнь впасть в зависимость; гостеприимство, своей открытостью равно исключаящее и запуганность, и чиновничество; гостеприимство, побуждающее гостей проявлять не меньше великодушия, чем требуется от хозяина. Мне всего этого было отпущено немало, вместе со своеобразным ароматом свободного, порой забавного, а порой гротескного сочетания самых обыкновенных, а иногда и диковинных собеседников, терпеливых друг к другу.

(Philia: Выступление И. Илича в Бремене.)

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Иван Иллич
Пропорциональность и современный мир
(фрагменты из работ разных лет)
1968-1998

http://eusi.ru/lib/illic_osvobogdenie/prop.php

ru.theanarchistlibrary.org